

Ламартин Альфонс

История жирондистов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А59

А59 **Альфонс Л.**
История жирондистов / Ламартин Альфонс – М.: Книга по Требованию, 2023. – 410 с.

ISBN 978-5-519-92370-5

ISBN 978-5-519-92370-5

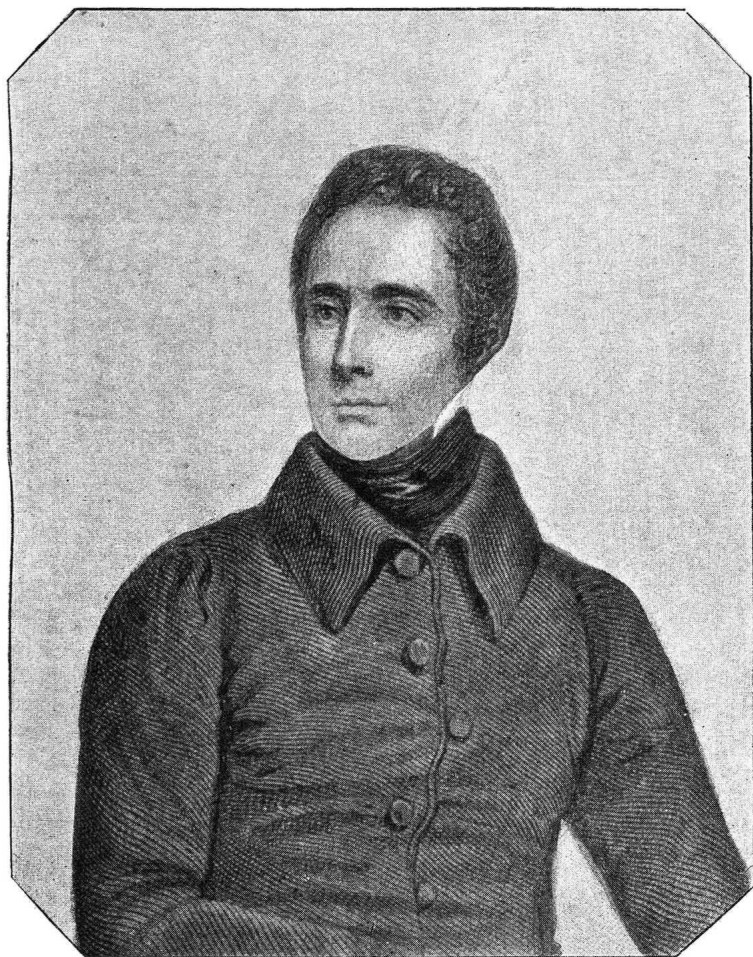
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ламартинъ.

I.

Вступленіе.—Смерть Мирабо.—Его личность.—Положеніе національнаго собранія въ 1791 г.—Наступленіе демократической идеи.—Исходный пунктъ революціи.—Партіи.—Главные вожди.—Людовикъ XVI и Марія Антуанетта.—Малуэ, Клермонъ-Тоннеръ, аббатъ Мори, Казалесъ, Барнавъ, оба Ламета, Робеспьеръ, Дюпоръ, Петіонъ.—Народныя общества.—Лафайетъ.—Общее положеніе вещей.

1.

Я намѣренъ писать исторію небольшого числа людей, которые были поставлены волею провидѣнія въ центрѣ величайшей драмы новыхъ временъ; люди эти соединяли въ себѣ идеи, страсти, ошибки, добродѣтели цѣлой эпохи;—ихъ политика и жизнь, составлявшія, такъ сказать, узелъ французской революціи, были разрублены тѣмъ же ударомъ, который поразилъ и судьбы ихъ отечества.

Эта исторія, полная крови и слезъ, полна также уроками для народовъ. Никогда, быть можетъ, столько трагическихъ событій не совершалось въ такое короткое время; никогда такъ быстро не выказывалось таинственное соотношеніе, которое существуетъ между дѣйствіями и ихъ послѣдствіями. Никогда съ большою скоростью слабости не влекли за собою ошибокъ, ошибки—преступленій, преступления—кары. Никогда еще не проявлялось съ большою очевидностью то правосудное возмездіе, которое, подобно совѣсти, неразрывно связано съ нашими дѣйствіями и совершается даже неотразимѣе, чѣмъ фатумъ у древнихъ; никогда нравственный законъ не получалъ болѣе блистательнаго подтвержденія и не мстилъ за себя съ большою жестокостью. Даже простой рассказъ объ избранныхъ нами двухъ годахъ служить самымъ лучезарнымъ комментариемъ всей великой революціи, и потоки пролитой крови не только возбуждаютъ ужасъ и состраданіе, но также даютъ людямъ урокъ и примѣръ. Въ такомъ духѣ я и намѣренъ рассказать объ этихъ событіяхъ.

Безпристрастіе исторіи не похоже на безпристрастіе зеркала, дѣло котораго только отражать предметы; это—безпристрастіе судьи, который видитъ, слушаетъ и рѣшаетъ. Лѣтопись—не исторія; чтобы исторія заслуживала свое названіе, ей нужна совѣсть, потому что потомъ исторія становится совѣстью человѣческаго рода. Рассказъ, оживленный воображеніемъ, обдуманый и провѣренный разумомъ,—вотъ исторія, какъ ее понимали древніе; образчикъ такой же исторіи намѣренъ представить и я.

2.

Мирабо умеръ. Народъ, побуждаемый инстинктомъ, толпился около дома своего трибуна, какъ бы ожидая вдохновенія даже отъ его гроба; но этого вдохновенія не могъ бы дать уже и живой Мирабо. Геній его поблѣкъ предъ геніемъ революціи; увлекаемый въ неминуемую пропасть тою самою колесницею, которую самъ пустилъ въ ходъ, онъ напрасно цѣплялся за трибуну. Послѣднія сообщенія, сдѣланныя имъ королю и переданныя намъ желѣзнымъ шкафомъ вмѣстѣ съ тайною продажности Мирабо, свидѣтельствуютъ объ ослабленіи и пониженіи его умственныхъ способностей. Его совѣты отличаются измѣнчивостію, нескладностію, почти наивностію. То онъ хочетъ остановить революцію чѣмъ-нибудь въ родѣ песчинки; то видитъ спасеніе монархіи въ прокламаціи короны и въ царственной церемоніи, которая должна сдѣлать короля популярнымъ. То онъ хочетъ купить рукоплесканія трибунъ и думаетъ, что съ ними будетъ продана ему и вся нація. Ничтожность средствъ къ спасенію представляетъ рѣзкій контрастъ съ растущею громадностію опасности. Въ идеяхъ Мирабо господствуетъ безпорядокъ. Становится понятнымъ, что вся его сила заключалась въ страстяхъ, имъ возбужденныхъ, и что, когда у него не стало силы ни ими управлять, ни съ ними разстаться, онъ имъ измѣнилъ. Этотъ великій агитаторъ—является не болѣе, какъ уstraшеннымъ царедворцемъ, который прячется подъ защиту трона и хотя еще бормочетъ вошедшія въ прежнюю свою роль страшныя слова—„нація“ и „свобода“, но уже усвоилъ себѣ всю мелкость и суетность придворныхъ взглядовъ. Геній внушаетъ состраданіе, когда сталкивается съ невозможностію. Мирабо былъ самымъ сильнымъ чело-вѣкомъ своего времени, но и величайшій изъ людей въ борьбѣ противъ разъяренныхъ элементовъ покажется намъ безумцемъ. Паденіе бываетъ величественнымъ только тогда, когда чело-вѣкъ падаетъ, не разставаясь съ добродѣтелью.

Поэты говорятъ, что облака принимаютъ форму тѣхъ странъ, по которымъ проходятъ, а опускаясь на горы, долины и равнины, сохраняютъ на себѣ отпечатокъ ихъ и несутъ его къ небесамъ. Эти слова составляютъ вѣрное изображеніе нѣкоторыхъ людей, обладающихъ, такъ сказать, коллективнымъ геніемъ, который формируется сообразно эпохѣ и воплощаетъ въ нихъ всю индивидуальность данной націи. Мирабо былъ однимъ изъ такихъ людей. Онъ не изобрѣлъ революціи, но провозгласилъ ее. Безъ него она, быть можетъ, осталась бы только въ идеяхъ и стремленіяхъ. Онъ явился, и въ немъ она приобрѣла форму, страстность, языкъ, которые даютъ возможность, обращаясь къ толпѣ, прямо указать на предметъ и назвать его по имени.

Мирабо родился въ дворянской семьѣ, старинной фамиліи, которая происходила изъ Италіи, но впоследствии бѣжала и водворилась въ Провансѣ. Основатели этой фамиліи были тосканцы. Фамилія Мирабо находилась въ числѣ тѣхъ, которыхъ Флоренція изгнала отъ себя во время смутъ за свободу, и за изгнаніе и преслѣдованія которыхъ Дантъ въ суровыхъ стихахъ упрекаетъ свою родину. Кровь Макіавелли и беспокойный духъ итальянскихъ республикъ были свойственны всѣмъ лицамъ этой фамиліи. Члены ея, какъ люди, были выше своей судьбы. Пороки, страсти, добродѣтели—все у нихъ выходило изъ общаго

уровня. Женщины въ этой фамилии отличались или ангельскими свойствами или развратомъ, мужчины—или высокими качествами или распущенностью; самый языкъ, подобно характерамъ, тамъ выразителенъ и величественъ. Въ самой интимной перепискѣ у нихъ замѣтенъ колоритъ героическихъ языковъ Италии. Предки Мирабо говорятъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ, какъ Плутархъ говорилъ о раздорахъ Марія съ Суллою, Цезаря съ Помпеемъ. Уже и тутъ видны великіе люди, вовлеченные въ малыя дѣла. Мирабо съ колыбели привыкъ къ этой величественности и къ этой домашней мощи. Хотя такія подробности могутъ показаться чуждыми разсказу, но я на нихъ настаиваю потому, что онѣ его объясняютъ. Причина гениальности отдѣльнаго человѣка часто заключается въ свойствахъ всѣхъ его предковъ, и фамилія, взятая въ цѣломъ, бываетъ иногда предвѣстницей судьбы своего потомка.

3.

Воспитаніе Мирабо было сурово и грубо, какъ рука его отца, котораго называли „другомъ людей“, а безпокойный умъ и эгонистическое тщеславіе котораго дѣлала его преслѣдователемъ жены и тираномъ дѣтей. Въмѣсто всѣхъ другихъ добродѣтелей, ребенка пріучали только чести: такъ называлась тогда та показная добродѣтель, которая часто бывала не болѣе, какъ наружною правдивостью, изяществомъ порока. Рано поступивъ на военную службу, Мирабо изъ военныхъ нравовъ того времени заимствовалъ лишь наклонность къ разврату и къ игрѣ. Рука отца настигала Мирабо вездѣ, но не для того, чтобы поднять молодого человѣка, а чтобы погрузить его еще глубже подъ тяжестью послѣдствій сдѣланныхъ ошибокъ. Молодость Мирабо прошла въ государственныхъ тюрьмахъ, уединеніе которыхъ распалило его страсти;—гений Мирабо тамъ ожесточился ненавистью къ тюремнымъ стѣнамъ, а его душа утратила тамъ стыдливость, которая вообще рѣдко переживаетъ безчестіе подобныхъ раннихъ наказаній. Выйдя изъ тюрьмы, Мирабо, по совѣту отца, сдѣлалъ попытку, не совѣмъ легкую, устроить свой бракъ съ дѣвицей Мариньянъ, богатой наслѣдницей одной изъ крупныхъ фамилій Прованса; для этого, Мирабо подобно гладиатору, пришлось прибѣгать къ различнымъ хитростямъ и къ дерзкимъ выходкамъ, какія только были возможны на миниатюрной аренѣ города Э. Ловкость, обольщеніе, отвага,—всѣ ресурсы натуры Мирабо пущены были въ ходъ для достиженія успѣха, который и былъ достигнутъ; но лишь только Мирабо женился, какъ уже новыя гоненія стали преслѣдовать его, и онъ попалъ въ крѣпость Понтарлье. Любовь, сдѣланная безсмертною «Письмами къ Софіи», отворила предъ Мирабо двери его заточенія. Затѣмъ онъ похитилъ госпожу Моннье у ея стараго мужа. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ счастья любовники бѣжали въ Голландію. Ихъ ловятъ, разлучаютъ, запираютъ,—одну въ монастырь, другого—въ Венсенскую башню. Любовь, которая, подобно огню въ нѣдрахъ земли, всегда таится въ какомъ-нибудь уголкѣ судьбы великихъ людей, соединяетъ всѣ жгучія страсти Мирабо въ одинъ горящій очагъ. Предаваясь мщенію, онъ даетъ удовлетвореніе оскорбленной любви; достигнувъ свободы, онъ, въ сущности, возвращаетъ и освобождаетъ свою любовь; въ серьезныхъ занятіяхъ онъ прослав-

ляетъ ту же любовь. Войдя въ тюрьму неизвѣстнымъ, Мирабо вышелъ изъ нея писателемъ, ораторомъ, государственнымъ человѣкомъ,—но также и человѣкомъ развращеннымъ, готовымъ на все, готовымъ даже продать себя, чтобъ купить этимъ состояніе и знаменитость.

Драма жизни уже была создана въ его головѣ, оставалось только найти арену, и время подготовило ее для него. Въ теченіе немногихъ лѣтъ, составившихъ промежутокъ между выходомъ Мирабо изъ Венсенской башни и вступленіемъ на трибуну національнаго собранія, онъ брался за столько полемическихъ работъ, что всякій другой человѣкъ былъ бы ими подавленъ, а ему онъ только что давали перевести духъ. Банкъ св. Карла, учрежденія Голландіи, сочиненіе о Пруссіи, борьба съ Бомарше, его стилемъ и его значеніемъ,—большіе ораторскіе труды по вопросамъ о войнѣ, объ европейскомъ равновѣсіи, о финансахъ,—колкости и брань, дуэли на словахъ съ министрами или съ людьми минутной популярности,—все это напоминаетъ римскій форумъ во времена Клодія и Цицерона. Въ этихъ перебранкахъ новѣйшаго времени Мирабо является человѣкомъ древности. Между тѣмъ, слышатся уже первые раскаты народныхъ волненій, которыя вскорѣ должны были разразиться и надъ которыми голосу Мирабо суждено было господствовать. При первыхъ выборахъ въ Э отвергнутый съ презрѣніемъ дворянствомъ, онъ устремляется къ народу, увѣренный, что возьметъ перевѣсъ вездѣ, лишь только броситъ на вѣсы свой гений и свою смѣлость. Марсель оспариваетъ у Э великаго плебея. Двойное избраніе Мирабо,—произносимыя имъ рѣчи, составляемые имъ же адреса, обнаруживаемая при томъ энергія,—все это обращаетъ на себя вниманіе цѣлой Франціи,—громовыя слова его становятся лозунгомъ революціи. Сравнивая себя въ звучныхъ фразахъ съ людьми древности, Мирабо становится, въ народномъ воображеніи, на высоту тѣхъ личностей, о которыхъ хочетъ напомнить. Слушатели привыкаютъ смѣшивать его самого съ тѣми племенами, которыя онъ цитируетъ въ своихъ рѣчахъ. Производимое имъ движеніе подготавливаетъ умы къ великимъ потрясеніямъ; онъ гордо возвѣщаетъ о себѣ націи въ слѣдующихъ выраженіяхъ, вошедшихъ въ его адресъ къ жителямъ Марсели: «послѣдній ихъ Гракховъ, умирая, бросилъ пылью въ небо, и изъ этой пыли родился Марій, — Марій, который великъ не столько по причинѣ изгнанія Кимвровъ, сколько потому, что принизилъ въ Римѣ гордую аристократію».

Вступивъ въ національное собраніе, Мирабо какъ бы наполняетъ его собою; онъ одинъ представляетъ тамъ цѣлый народъ. Его жесты равносильны приказаніямъ,—вносимыя имъ предложенія подобны государственнымъ переворотамъ. Онъ ставитъ себя въ уровень съ трономъ. Дворянство видитъ себя побѣжденнымъ силою, вышедшею изъ его собственныхъ нѣдръ. Духовенство, стоящее въ рядахъ народа и желающее примирить демократію съ церковью, оказываетъ оратору поддержку для низверженія двойной аристократіи—дворянъ и епископовъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ падаетъ все, что было возведено и утверждено вѣками. Мирабо сознаетъ, что онъ остался одинъ среди этихъ развалинъ. Тогда его роль, какъ трибуна, кончается,—начинается роль государственнаго человѣка. Въ этой послѣдней онъ еще выше, чѣмъ въ первой. Тамъ, гдѣ всѣ идутъ оцупью, онъ смотритъ на предметъ вѣрно, идетъ прямо. Революція въ

головѣ Мирабо является уже болѣе не взрывомъ гнѣва, но опредѣленнымъ планомъ. Философія XVIII вѣка, сдерживаемая благоразуміемъ государственнаго мужа, формулируется на его губахъ. Его краснорѣчіе, повелительное, какъ законъ, состоитъ въ талантѣ воодушевлять разумъ страстью. Слово Мирабо воспламеняетъ и освѣщаетъ все; оставшіе съ этого времени почти одинокимъ, онъ не теряетъ мужества. Опираясь на сознаніе своего превосходства, онъ пренебрегаетъ завистью, ненавистью и ропотомъ. Онъ презрительно отталкиваетъ страсти, которыя до сихъ поръ за нимъ слѣдовали. Онъ не хочетъ ихъ болѣе, какъ скоро его дѣло въ нихъ не нуждается; онъ говоритъ людямъ уже только во имя своего генія. Генія ему достаточно, чтобъ возбуждать къ себѣ повиновеніе. Могущество оратора состоитъ въ томъ отголоскѣ, который истина находитъ въ людяхъ. Сила приходитъ къ Мирабо путемъ отраженія. Онъ возвышается между всѣми и надъ всѣми партіями. Всѣ его ненавидятъ, потому что онъ надъ всѣми господствуетъ, и всѣ идутъ за нимъ потому, что въ его рукахъ и гибель ихъ и спасеніе. Не предаваясь никому, онъ ведетъ переговоры со всѣми; сохраняя безстрастіе относительно бурнаго элемента собранія, онъ полагаетъ основаніе преобразованной конституціи: законодательство, финансы, дипломатія, война, религія, политическая экономія, равновѣсіе властей,—всѣ эти вопросы онъ затрогиваетъ и разрѣшаетъ, не какъ утопістъ, но какъ государственный мужъ. Предлагаемое имъ разрѣшеніе вопроса всегда составляетъ вѣрную средину между идеаломъ и практикою. Онъ дѣлаетъ разумъ доступнымъ существующимъ нравамъ и приводитъ учрежденія въ соприкосновеніе съ привычками. Онъ хочетъ удержать тронъ, чтобъ дать опору демократіи,—онъ добивается свободы слова въ палатахъ, выраженія воли единой и несокрушимой націи—въ правительствѣ. Свойство генія Мирабо, такого опредѣленнаго и до такой степени непризнаннаго, заключается даже не столько въ смѣлости, сколько въ мѣткости. Подъ величественностью выраженій онъ скрываетъ непогрѣшимость здраваго смысла. Самые его пороки не могутъ взять верхъ надъ ясностью и искренностью его разума. У подножія трибуны это — человекъ безъ стыда и безъ добродѣтели; на трибунѣ это честный человекъ. Предаваясь въ частной жизни дурнымъ поступкамъ, торгуясь съ иностранными государствами, продаваясь двору для удовлетворенія своихъ расточительныхъ вкусовъ, онъ и въ этомъ постыдномъ торгѣ своею личностью сохраняетъ неподкупность своего генія. Мирабо не доставало только честности изъ всѣхъ качествъ, необходимыхъ великому человеку его времени. Для него народъ не что иное, какъ орудіе, слава—для него божество, вѣра—потомство; совѣсть у Мирабо заключается въ разсудкѣ, фанатизмъ его идеи вполне человѣченъ, холодный матеріализмъ того времени отнимаетъ у души Мирабо движеніе, силу и цѣль, свойственныя предметамъ исчезающимъ. Умирая, онъ говоритъ: „покройте меня ароматами и украсьте цвѣтами, чтобъ предаться вѣчному сну“. Этотъ человекъ вполне принадлежитъ данному времени; своему дѣлу онъ не сообщаетъ ничего безконечнаго. Онъ не освящаетъ знакомъ безсмертія ни своего характера, ни дѣйствія, ни мысли. Если бы онъ вѣрилъ въ Бога, то быть можетъ умеръ бы мученикомъ, но оставилъ бы послѣ себя религію разума

и царство демократіи. Короче, Мирабо представляет собою здравый смысл одного народа, но не вѣрованіе челоуѣчества.

4.

Наружная пышность набросила покрывало всеобщаго траура на тѣ чувства, которыя смерть Мирабо втайнѣ произвела въ различныхъ партіяхъ. Когда колокола издавали похоронный звонъ и каждую минуту гремѣла пушка, когда гражданину дѣлали истинно-королевскія похороны, церемонія которыхъ привлекла 200,000 зрителей, когда пантеонъ, въ который снесли усопшаго, казался едва достойнымъ монументомъ для подобнаго праха, что происходило въ это время въ глубинѣ сердецъ окружающихъ?

Король, содержавшій краснорѣчіе Мирабо на жалованьѣ, королева, съ которой онъ имѣлъ ночныя совѣщанія, жалѣли его, быть можетъ, какъ жалѣютъ послѣднее средство спасенія: во всякомъ случаѣ, онъ имъ внушалъ больше страха, чѣмъ довѣрія; чувство униженія, нераздѣльное съ просьбою короны у подданнаго о помощи, должно было успокоиться въ виду этой разрушительной силы, которая сама собою пала предъ трономъ. Смертью Мирабо дворъ былъ отомщенъ за оскорбленія, какія долженъ былъ отъ него выносить. Раздраженная аристократія предпочитала смерть Мирабо его услугамъ. Для дворянства онъ былъ не болѣе, какъ отступникомъ своего сословія. Быть когда-нибудь возвышеннымъ тѣмъ самымъ челоуѣкомъ, который унижилъ аристократію, это было совершеніемъ ея позора. Національное собраніе тяготилось превосходствомъ Мирабо. Герцогъ Орлеанскій понималъ, что одного слова этого челоуѣка достаточно для освѣщенія и пораженія всякихъ преждевременныхъ честолюбивыхъ плановъ. Герой буржуазіи, Лафайетъ, долженъ былъ страшиться народнаго оратора. Тайная зависть неизбежно существовала между диктаторомъ города и диктаторомъ трибуны.

Мирабо въ своихъ рѣчахъ никогда не нападалъ на Лафайета, но въ разговорѣ часто у него прорывались о соперникѣ такія слова, которыя, падая на челоуѣка, какъ бы отпечатываются на немъ. Со всякимъ ущербомъ Мирабо, Лафайетъ казался выше: то же было и со всѣми ораторами собранія. Соперниковъ Мирабо не имѣлъ, но у него были завистники. Краснорѣчіе его, какъ оно ни было популярно, оставалось краснорѣчіемъ патриціи. Его демократичность упала сверху: она не имѣла въ себѣ чувствъ недоовѣрія и ненависти, которыя возбуждаютъ въ сердцахъ низкія страсти и въ оказываемомъ народу добрѣ видятъ только оскорбленіе для дворянства. Народныя чувства Мирабо были, нѣкоторымъ образомъ, либеральной стороной его генія. Блестящія изліянія его великой души ни въ чемъ не были похожи на нескладную ярость демагоговъ. Завоевывая права для народа, онъ имѣлъ такой видъ какъ бы самъ давалъ ихъ. Это былъ волонтеръ демократіи; своею ролью, своимъ отношеніемъ къ демократамъ, расположеннымъ позади его, Мирабо напоминалъ, что со временъ Гракховъ до него самого изъ патриціевъ выходили трибуны, самые могучіе въ дѣлѣ служенія народу. Талантъ Мирабо, не имѣвшій себѣ равнаго по философскому складу мысли, по обширности ея и по грандіозности выраженій, былъ также видомъ аристократичности, которую ему еще менѣе

могли простить. Природа доставляла ему первенство, смерть открывала просторъ около него для всѣхъ второстепенныхъ личностей. Онѣ готовились оспаривать другъ у друга его мѣсто, котораго между тѣмъ не былъ способенъ занять никто изъ нихъ. Слезы, которыя эти люди проливали при гробѣ Мирабо, были слезы притворныя. Одинъ только народъ оплакивалъ его искренно, потому что народъ слишкомъ силенъ, чтобъ быть завистливымъ, и что, не ставя Мирабо въ упрекъ его происхожденіе, онъ даже любилъ въ немъ дворянскій оттѣнокъ, какъ добычу, завоеванную у аристократіи. Кромѣ того, безпокойная нація, видѣвшая паденія своихъ учреждений одного за другимъ и опасавшаяся общаго переворота, чувствовала по инстинкту, что геній великаго человѣка былъ единственною силою, какая ей оставалась. Какъ скоро этотъ геній погасъ, подъ ногами монархіи оставались только мракъ и пропасти. Только якобинцы громко радовались, потому что одинъ лишь этотъ человѣкъ могъ уравновѣсить ихъ силу.

6 апрѣля 1791 года національное собраніе возобновило свои засѣданія. Мѣсто Мирабо, оставшееся пустымъ, ясно показывало невозможность замѣстить умершаго. На лицахъ зрителей въ трибунахъ выражалась тревога. Въ залѣ царствовало молчаніе. Талейранъ прочелъ собранію посмертную рѣчь Мирабо. Его хотѣли слушать еще разъ послѣ смерти. Слабое эхо этого голоса, повидимому, доходило до своего отечества изъ глубины сводовъ Пантеона. Чтеніе было угрюмо. Нетерпѣніе и безпокойство давили всѣ умы. Партіи горѣли желаніемъ помѣряться силами безъ прежняго крупнаго перевѣса въ одну сторону. Схватка между ними сдѣлалась неизбежною. Посредника, который ихъ сдерживалъ, уже не было.

5.

Прежде, чѣмъ изобразить положеніе этихъ партій, бросимъ краткій взглядъ на исходную точку революціи, на пройденный ею путь и на главнѣйшихъ вождей, которые старались управлять революціею на томъ пути, который еще оставалось сдѣлать.

Не прошло еще двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ общественное мнѣніе сдѣлало брешь въ монархіи, и уже результаты были громадны. Духъ слабости и колебанія въ правительствѣ былъ причиною созванія собранія нотаблей. Настроеніе общества наложило руку на власть и создало генеральныя штаты. Когда они собрались, нація сознала свое могущество; отъ этого сознанія до легальнаго возстанія оставалось сказать только одно слово. Мирабо его произнесъ. Национальное собраніе учредилось предъ лицомъ трона и даже выше его, расточительная популярность Неккера истощилась въ уступкахъ и исчезла вслѣдъ затѣмъ, какъ у него не оставалось болѣе обрывковъ монархіи, которые бы можно было бросать народу. Отставка министра монархіи была для нея пораженіемъ. Послѣдній шагъ этого министра вывести его вонъ изъ королевства. Обезоруженный король оставался въ рукахъ націи заложникомъ прежняго порядка. Провозглашеніе правъ человѣка и гражданина, единственный отвлеченный актъ, сдѣланный до тѣхъ поръ революціей, дало ей значеніе соціальное и всеобщее. Надъ этой деклараціей много смѣялись; она содержала въ

себѣ нѣсколько ошибокъ и перемѣшивала въ названіяхъ состояніе природы съ состояніемъ общественнымъ, но въ сущности она была догматомъ совершенно новымъ.

6.

Есть въ природѣ предметы, форму которыхъ можно хорошо различить только въ нѣкоторомъ отдаленіи. Близость, какъ и большое разстояніе, мѣшаетъ хорошо видѣть ихъ. То же самое бываетъ относительно крупныхъ событий. Рука провидѣнія видима въ дѣлахъ человѣческихъ, но она же и скрываетъ отъ насъ то, что совершается. То, что можно было тогда разглядѣть во французской революціи, представляло собою величайшее міровое событіе, наступленіе новой идеи среди людей, идеи демократической, и за ней и демократическаго управленія.

Эта идея происходила изъ христіанства. Христіанство, заставшее людей рабами и падшими по всей землѣ, поднялось при паденіи римской имперіи грознымъ мщеніемъ, хотя и носило форму самопожертвованія. Оно провозгласило три слова, повторенныя 2,000 лѣтъ спустя французской философій: свобода, равенство, братство людей, но скрыло на время этотъ догматъ въ глубинѣ христіанскихъ душъ. Слишкомъ слабое сначала для нападенія на гражданскій законъ, оно сказало властямъ: еще на нѣкоторое время я вамъ оставляю міръ политическій и ограничиваюсь нравственнымъ. Продолжайте, если можете, сковывать, дѣлать, поработать, профанировать народы,—я буду освобождать души, — 2,000 лѣтъ я употребляю на обновленіе умовъ, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до учрежденій. Но наступитъ день, когда мое ученіе изъ храма перейдетъ въ совѣтъ народовъ. Въ тотъ день социальный міръ получитъ обновленіе“.

День этотъ наступилъ. Онъ былъ подготовленъ вѣкомъ философій, скептической по наружности, вѣрующей на дѣлѣ. Скептицизмъ XVIII вѣка относился только къ внѣшнимъ формамъ и сверхъестественнымъ догматамъ христіанства; но онъ страстно принималъ его нравственность и социальное значеніе. Что христіанство называло откровеніемъ, философія называла разумомъ. Слова были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ различны, смыслъ оставался одинъ и тотъ же. Изъ того и другого одинаково происходили освобожденіе личностей, сословій, народовъ, только древній міръ освободился во имя Христа, міръ новый освобожденъ во имя правъ, полученныхъ отъ Бога каждымъ существомъ. Но тотъ и другой производили это освобожденіе или отъ Бога или отъ природы. Политическая философія революціи, чтобы открыться Европѣ, даже не могла найти другого слова, болѣе истиннаго, полнаго и святаго, какъ христіанство, и усвоила себѣ догматъ и лозунгъ братства. Французская революція напала на внѣшнюю форму господствовавшей религіи только потому, что послѣдняя выражалась въ правительствахъ монархическихъ, теократическихъ и аристократическихъ. Таково объясненіе кажущагося противорѣчія XVIII вѣка, который въ политикѣ все заимствовалъ у христіанства и въ то же время отрицалъ его. Между двумя ученіями происходили одновременно сильное отталкиваніе и сильное притяженіе. Въ самой борьбѣ они признавали другъ друга и стремились